
Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность

Т.Г. НЕФЕДОВА

В статье рассматриваются проблемы сельского хозяйства в советский и постсоветский период и их возможные причины, вокруг которых сложилась обширная мифология; раскрываются аргументы «за» и «против» наиболее популярных мифов о сельском хозяйстве; выявляются тенденции и последствия современных процессов преобразования сельскохозяйственных предприятий, многоукладность российской экономики, формирование вертикальных структур агропромышленного комплекса; а также экономические и социальные последствия двух противоположных процессов: концентрации собственности и рассредоточения производства по мелким хозяйствам населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, реформы, продуктивность, депопуляция, трудовой потенциал населения, агропромышленный комплекс, концентрация, поляризация

Советское и более раннее наследие в сельском хозяйстве

С первых лет советской власти мы были постоянно озабочены урожаем: каждую осень шла битва за урожай. Менялись правительства, названия и типы предприятий, но не менялись лишь напряжение борьбы за урожай и его сравнительно низкие на мировом фоне показатели. В постсоветское время появились новые лозунги – обеспечение продовольственной безопасности страны, имеющие те же корни, хотя экономические условия и сами предприятия изменились.

К началу радикальных реформ 1990-х гг. аграрный кризис во многих районах, особенно с природными и социальными ограничениями развития сельского хозяйства, был уже в разгаре. Поддержание сельскохозяйственного производства требовало непропорционально большого объема финансирования – государственная поддержка составляла 81% к сумме валовой выручки [Серова, Шик 2007]. Можно согласиться, что в чем-то сельскому хозяйству и в советское время было тяжело: вилка цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами имела место и тогда, рост цен на продукты сдерживался, а техника была дорогая. Социальная политика дотирования продовольствия как элемент характерных для социализма перераспределительных отношений ударяла и по сельскому хозяйству. Но и многие ресурсы, от которых зависело производство (например, энергоносители), также были очень дешевы. На это и были направлены дотации, которые не только компенсировали искусственно заниженные доходы агрокомплекса, но и долгие годы вытягивали недееспособные предприятия.

В 1980 г. убыточными являлись 3/4 колхозов и более 2/3 совхозов [Народное хозяйство РСФСР 1991, с. 403, 407]. После того как в них стали закачивать большие средства в виде дотаций и кредитов, а долги регулярно списывать, рентабельность коллективных предприятий «выросла». Однако расчеты экономистов показывали, что и к 1990-м гг. Россия подошла с теми же 2/3 убыточных агропредприятий, хотя формально они получали прибыль [Александров 1993]. Советская система давала преимущество малоэффективным хозяйствам: на показателях колхозов и совхозов сказывалось и то, что они не были строго производственными ячейками, поскольку на них лежали функции строительства жилых домов, школ, содержания дорог и т.п., и поэтому около 1/4 инвестиций шло на социальную инфраструктуру.

Для оценки результативности коллективного хозяйства, его провалов и успехов можно использовать определенные индикаторы, например, урожайность наиболее распространенных культур, прежде всего, зерновых, и продуктивность скота. Как бы ни менялись финансовые показатели и конъюнктура цен, надой молока от одной коровы зависят в основном от того, как ее содержат и кормят. При сходных природных условиях в слабых хозяйствах надой всегда низки, в крепких – высоки; то же самое и с урожайностью, хотя она сильнее реагирует на колебания климата и погоды.

Урожайность зерновых культур росла во всех районах России до 1970 г.¹, затем произошел спад или стагнация, несмотря на все вложения, вслед за этим подъем в период перестройки (рисунок 1). Такой же спад после 1970 г. характерен и для продуктивности скота (рисунок 2). И это произошло именно тогда, когда в СССР началась интенсификация сельского хозяйства, строительство крупных животноводческих комплексов, в том числе по программе развития Нечерноземья. Видимо, колхозно-совхозная организация сельского хозяйства во многих районах к 1970-м гг. достигла максимума своих возможностей и начала давать сбои.

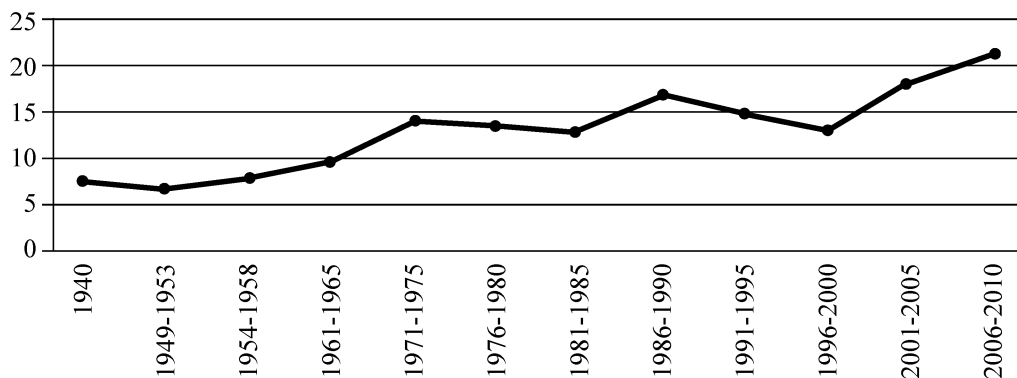

Рисунок 1. Динамика урожайности зерновых в России с 1940 г. по 2010 г., ц/га

Источники: [Народное хозяйство СССР 1965; Регионы России 1998; Регионы России 2007; Регионы России 2011].

Впрочем, подъем в конце 1980-х гг., указанный на *рисунках 1 и 2*, показывает, что резервы у общественного сектора имелись, и связаны они были с внедрением

¹ При этом старые цифры оценочно приведены к современной форме учета урожая. Прежде статистика показывала весь урожай, теперь – только то, что собрано (в весе после доработки).

хозрасчета, арендных и подрядных отношений, с оплатой по конечным результатам труда. Ну а то, что подъем времен М.С. Горбачева сопровождал явный продовольственный кризис, это свидетельствовало о сбое всей централизованной системы распределения и снабжения городов.

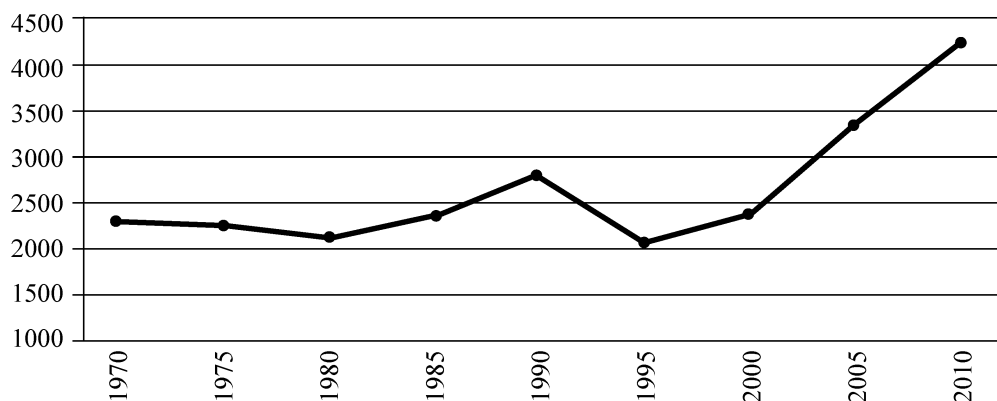

Рисунок 2. Динамика надоев молока от одной коровы с 1970 г. по 2010 г., кг/год

Источники: [Сельское хозяйство СССР 1988; Регионы России 1998; Регионы России 2007; Регионы России 2011].

По абсолютным параметрам сельскохозяйственного производства сельская Россия опережает многие, в т.ч. относительно крупные страны. Иное дело – достаточно ли собственного продовольствия для удовлетворения потребностей населения и с какой эффективностью оно производится. И здесь выявляется **наша главная беда – сравнительно низкая производительность труда** (таблица 1). Например, мяса в России вырабатывается почти столько же, сколько в Канаде, но один российский аграрий производит его в 10 раз меньше, чем работник канадского сельского хозяйства и почти в 20 раз меньше, чем фермер в США. Молока на одного занятого в сельском хозяйстве мы получаем в 5–6 раз меньше, чем развитые страны. На самом же деле наши показатели еще хуже, так как здесь учтены только официально занятые в сельском хозяйстве, в то время как по статистике половину российской агропродукции дает население, числящееся занятым в других сферах.

Не менее удручающей выглядит и продуктивность земель: так, по урожайности зерновых культур России среди крупных стран мира уступают только Казахстан и Австралия. Это значит, что завоеванные сельским хозяйством нашей страны позиции по валовым объемам держатся на его огромной землеемкости.

В развитых странах ключевыми факторами развития сельского хозяйства стали концентрация капитала, кооперация частных производителей и эффективный менеджмент. Там, где это совпало с изобилием земли (как в США и Канаде), результат был ошеломляющим. Но и такие небольшие по сравнению с Россией (и заметные по европейским масштабам) страны как Франция, Италия, Испания, Германия, Великобритания при минимальной занятости людей в сельском хозяйстве также превратились в мировые аграрные лидеры. Наша страна по многим показателям ближе не к европейским, а к латиноамериканским странам, и только восточноазиатский регион с его колоссальным избытком рабочих рук Россия оставила позади.

Таблица 1. Производство некоторых продуктов в крупных странах мира в среднем в 2007–2008 гг. на одного занятого в сельском хозяйстве, тонн

Страны	Зерно	Картофель	Овощи	Мясо	Молоко
Россия	15,9	4,8	2,4	1,1	5,4
Украина	12,6	6,0	2,4	0,6	3,6
Польша	11,9	4,5	2,4	1,4	5,3
Венгрия	29,1	4,0	9,7	5,1	10,3
Финляндия	35,5	6,0	1,7	3,4	19,7
Великобритания	50,7	13,6	5,2	7,7	31,0
Германия	20,6	12,8	3,9	8,5	32,2
Франция	84,4	8,8	6,7	7,1	31,5
США	188,7	8,4	16,7	19,7	86,2
Канада	122,7	10,2	5,2	9,7	17,5
Австралия	68,3	7,1	5,1	12,2	26,1

Источник: [Россия и страны мира 2010].

Сельская Россия и прежде отставала от Западной и даже Восточной Европы. А.С. Наумов полагает, что по трендам эволюции аграрного сектора Россия близка к европейской модели (хотя и с определенными экстенсивными чертами), но находится в начале траектории «догоняющего развития» [Наумов 2011]. К 1990 г. она во многом напоминала Западную Европу середины или даже начала XX в. с ее зависимостью от импорта продовольствия, депрессивными сельскими территориями, низкой производительностью труда.

О неравномерности европейского регионального развития и его устойчивых западно-восточных градиентов писали не раз, в том числе классики – П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.И. Менделеев, А. Геттнер, А.Н. Челинцев и другие². За этими градиентами стоят исторические, геокультурные, геополитические причины. Отставание ли это России от Запада в рамках концепции догоняющего развития и общих трендов модернизации? Особый ли российский евразийский мир? Сама ли обширность страны и недостаток трудовых и финансовых ресурсов для ее освоения порождают особый тип сельской местности и ее хозяйства?

А.И. Трейвиш, рассматривая социальные институты села и агротехнологии в разные эпохи, с VI в. по XVIII в., пришел к выводу, что аграрная Россия на протяжении своей истории отставала от Запада примерно на 500 лет, а от Восточной Европы – на 200 [Трейвиш 1999]. Например, типично общинная трехпольная система земледелия распространялась с запада на восток весьма медленно, и временной лаг между востоком и западом Европы, судя по основным стадиям развития земледелия, измерялся именно столетиями³.

² См.: [Семенов-Тянь-Шанский 1892; Менделеев 1907; Геттнер 1909; Челинцев 1929].

³ В Западной Европе известное с VII в. трехполье достигло своего расцвета в XI–XV вв., а затем уступило место многополью, травополью и т.п. В Восточную Европу трехполье проникло в XII–XIV вв., а его расцвет пришелся на XV–XVII вв., после чего оно также сменилось более передовыми системами земледелия (хотя на Балканах, например, дожило и до XX в.). В Россию (в современных границах) трехполье пришло в XIV–XV вв., на 200 лет позже, чем в Восточную и на 600 лет позднее, чем в Западную Европу. Время его расцвета в России – XVIII–XIX вв., во многих российских регионах трехполье доминировало и в начале XX в. [Трейвиш 1999].

Во многом это связано с европейским градиентом освоенности и обустроенности территории, представление о котором дает хотя бы сравнение плотности сельского населения и автодорог в Европе и в разных районах России. Его почти повторяет градиент урожайности зерновых культур и других показателей сельского хозяйства. Выделяется повышенными значениями плотности населения и освоения западноевропейское ядро, с удалением от которого многие показатели падают плавно или круто. Правда, на запад и юг далеко падать некуда, континент кончается. А на северо-востоке, в России, простора хватает.

Если принять показатели Германии за 100%, то профиль, проведенный от нее до восточных окраин Европы по 53–55 градусу северной широты, покажет не только уменьшение общей освоенности, но и агропродуктивности и производительности труда в направлении с запада на восток Европы. Первый резкий перепад всех показателей отмечен уже между Германией и Польшей, следующий – между Белоруссией и Россией. Отчасти сказывается дефицит влаги на востоке, но на резкие перепады на границе стран природные условия не могут влиять.

Слабое обустройство нашей территории и интенсивность ее использования по сравнению с европейскими странами – это признаки не только конца XX в. Так, Г.В. Иоффе, опираясь на работы Ю.Э. Янсона, убедительно показал, что западно-восточный градиент был ярко выражен и сто лет назад и что тип заселения и освоения пространства не зависит от таких скоротечных явлений как революция, коллективизация, застой, реформы и т.п. [Иоффе 1990, с. 14].

Таким образом, отставание и экономическая слабость сельской России отчасти объясняются и самой организацией освоения ее огромной территории, и полупериферийным положением на стыке Европы и Азии. При любой попытке изменить систему (что в очередной раз случилось в 1990-х гг.) нельзя забывать об этом «промежуточном» положении, о низком уровне освоенности и обустройства районов нашей страны.

Популярные мифы о причинах неудач российского сельского хозяйства

Уже больше века идут споры о причинах отставания сельской местности и сельского хозяйства, и об основаниях современных проблем в этой области. В попытках их объяснить сложилась обширная мифология. Рассмотрим кратко четыре наиболее устойчивых мифа, которые оформились задолго до последних реформ. Первый миф сводит все беды к суровому климату России. Второй исходит из посылы – «если бы не ограбление деревни большевиками...». Согласно третьему мифу, виновата советская уравниловка. Четвертый обвиняет во всем урбанизацию и поглощение сельского населения городами. В каждом мифе есть доля правды, поэтому попытаемся разобрать аргументы «за» и «против». Важно выяснить, откуда взялся миф и для чего он был создан. Есть мифы позитивные, позволяющие справиться с трудностями (например, таким был миф о преимуществах социализма в России, а в Восточной Европе в 1990-х гг. – миф о преимуществах вступления в ЕС). Есть мифы, тянущие назад, мифы политические, конъюнктурные и т.п. Те мифы, о которых мы будем говорить, скорее, оправдательные.

МИФ ПЕРВЫЙ. Россия – страна холодная. Именно климат определяет низкую производительность и неэффективность сельского труда, и отсюда – бедность населения.

Эта версия очень популярна и имеет объективное подтверждение. Сельская местность и сельское хозяйство России наиболее пострадали от ее пространственных амбиций. Правители России стремились на юг, но это далеко не всегда удавалось, и население вынуждено было осваивать и распахивать огромные северные

пространства: при торговле льном и полотном и выходе в мир через Архангельск шло «растягивание» заселения и сельского хозяйства в неблагоприятные природные условия на севере европейской России; строительство Санкт-Петербурга дало крен в сторону сельскохозяйственного освоения заболоченного северо-запада; шло активное освоение, заселение и расширение сельского хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке. Вектор на северо-восток страны в советское время усиливался стремлением регионов к самообеспечению продовольствием. Новые богатые минеральными и лесными ресурсами территории Россия осваивала, заселяя их, строя города, вокруг которых возникало и «свое» сельское хозяйство. В результате и население, и сельскохозяйственное производство у нас излишне сдвинуты из зон, наиболее для них благоприятных в обширные зоны суровой природы.

Из этого исходит множество геодетерминизационных концепций, начиная с известной мысли В.О. Ключевского о том, что особенность природы и связанная с ней негарантированность урожая привели к формированию особого русского характера, полагающегося не на результаты кропотливого труда, а на удачу, на «авось» [Ключевский 1993], и кончая известными книгами Л.В. Милова, А.П. Паршева, Ф. Хилла и К. Гедди⁴, объясняющими неконкурентоспособность России именно суровостью климата.

Но главное даже не суровость природы, а полное пренебрежение к ней. В России осваивались и заселялись такие районы, которые в большинстве северных стран использовались лишь для временного проживания. Например, Б.Б. Родоман считает, что самой природой лесная нечерноземная часть России предназначена не для земледелия, а для рыболовства, охоты и животноводства [Родоман 1997, с. 59]. В крупных размерах землепашество этой зоны стало следствием неэкономического принуждения: когда-то князья и бояре оттесняли здесь прочие слои от более выгодных промыслов в земледелие. Еще более явным принуждением оказалось в годы советской власти, когда Нечерноземье пытались превратить во «вторую Кубань».

Есть разные оценки биоклиматического потенциала для сельскохозяйственного использования [Гордеев, Клеценко, Черняков, Сиротенко 2006]. Для определения степени маргинальности природных условий можно использовать два ключевых показателя: сумма температур свыше 10 градусов С° (вегетационного периода) и увлажненность, т.е. соотношение осадков и испарения [Природно-сельскохозяйственное районирование 1975; Природно-сельскохозяйственное районирование 1983]. Наиболее благоприятны для земледелия суммы температур, превышающие 2200 градусов С°, то есть зона, расположенная южнее Москвы, Казани, Челябинска, Тюмени. Сумма температур свыше 2800 градусов С° характерна лишь для равнинного Северного Кавказа и Южного Поволжья, однако большая часть этой зоны характеризуется засушливостью. Расчеты по 1960 административным районам России показали, что территория с оптимальным соотношением тепла и влаги для сельского хозяйства занимает 14% площади России, на которой проживает 58% сельского населения [Нефедова 2009]. Это означает, что 86% территории России имеют те или иные природные ограничения функционирования агропроизводства. И наше основное преимущество – черноземы, около 40% мировых запасов которых приходятся на Россию, расположены тоже в южных районах, но при этом значительная часть сельского хозяйства России приурочена к зонам с неблагоприятными природными предпосылками.

И все же нашу постоянную «битву за урожай, несмотря на суровые погодные условия» я рискну назвать мифом. Сравнение, например, урожайности культур не России в целом, а ее отдельных макрорегионов, со странами, имеющими такие же природные предпосылки, оказывалось и в советское время, и сейчас не в пользу

⁴ См.: [Милова 1998; Паршева 2001; Hill, Gaddy 2003].

России, то же самое – с продуктивностью скота (рисунки 3 и 4). При этом ситуация с продуктивностью в советское время, как видно на рисунке 4, была намного хуже. Молочная продуктивность стала расти только в 2000-х гг. благодаря обновлению поголовья, улучшению породного состава, но до показателей стран, находящихся в таких же природных условиях, регионам России еще далеко.

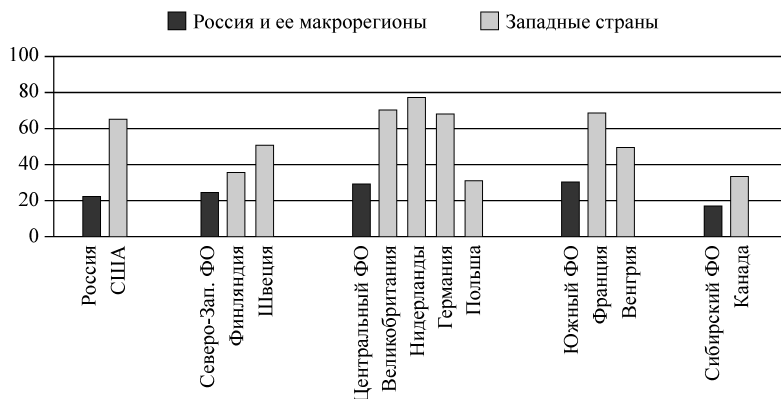

Рисунок 3. Урожайность зерновых культур в среднем за 2005–2008 гг. в макрорегионах России и странах Запада, ц/га

Источники: [Регионы России 2010, Россия и страны мира 2010].

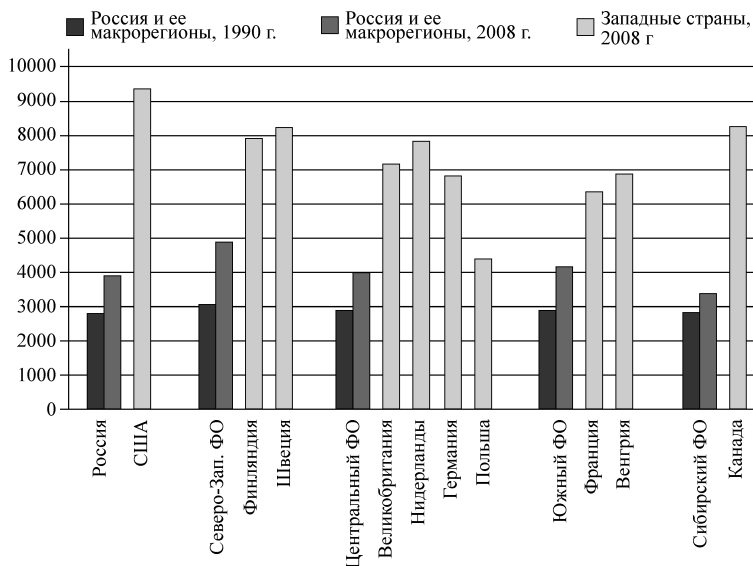

Рисунок 4. Надой молока от одной коровы в 1990 г. и 2008 г. в макрорегионах России и странах Запада, кг/год

Источники: [Регионы России 2010; Россия и страны мира 2010].

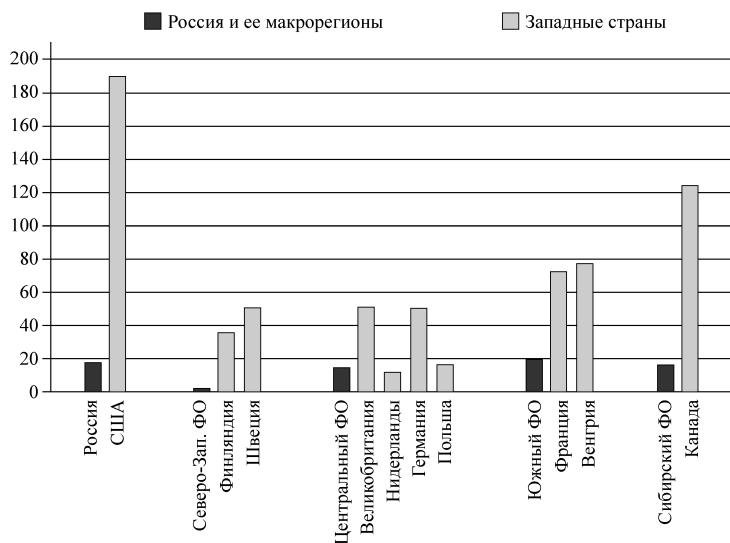

Рисунок 5. Производство зерна на одного официально занятого в сельском хозяйстве в 2008 г. в макрорегионах России и странах Запада

Источники: [Регионы России 2010; Россия и страны мира 2010].

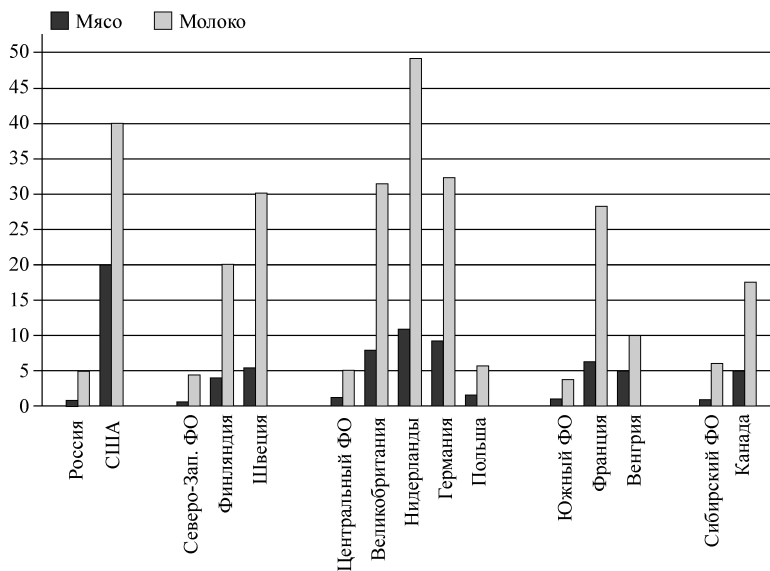

Рисунок 6. Производство мяса и молока на одного официально занятого в сельском хозяйстве в 2008 г. в макрорегионах России и странах Запада

Источники: [Регионы России 2010; Россия и страны мира 2010].

Еще в большей степени это касается производительности труда в сельской местности (рисунки 5, 6). Например, в Северо-Западном ФО производство молока и мяса одним официально занятым в сельском хозяйстве в 5 раз отстает от финского и в 7 раз – от шведского, да и то за счет того, что производство молока и мяса чуть выше в пригородах Ленинградской области, иначе разрыв был бы больше. И даже в Южном ФО один занятый производит мяса в 8 раз меньше, чем во Франции и в 7 раз меньше, чем в Венгрии (показатели по удельному производству молока также ниже – в 8 раз и 3 раза соответственно) [Россия и страны мира 2010]. Все это говорит о том, что на результаты сельского хозяйства влияют иные факторы, помимо природных.

МИФ ВТОРОЙ. Промышленность в городах развивалась за счет сельского хозяйства и сельской местности, обрекая их на отставание.

Этот миф не менее популярен, и в определенной мере он основывается на реальных фактах. Эпоху колхозного строя можно разделить на 2 этапа: 1928–1960 гг. и 1960–1990 гг. [Трейвиш 1999]. На первом этапе выстраивалась стратегия выжимания соков из сельского хозяйства, пустых трудовней, но с личными подворьями. Во втором – была сделана попытка «подтянуть» крестьян до городских наемных рабочих и помочь сельскому хозяйству.

В первой половине XX в. бурное развитие промышленности действительно происходило фактически за счет сельского хозяйства: промышленные предприятия получали ресурсы развития благодаря практически бесплатному труду крестьян в колхозах (за трудовни) и концентрации всех инвестиций в городах, то есть за счет выкачивания средств из деревни, помимо этого около 10 млн чел. были фактически ограблены (раскулачены). Вплоть до 1960-х гг. село испытывало последствия варварских методов коллективизации и ограбления деревни: даже по данным официальной статистики валовая продукция сельского хозяйства с 1913 г. по 1960 г. выросла лишь вдвое при росте промышленной продукции в 40 раз [Народное хозяйство СССР 1965].

Однако во второй половине XX в. ситуация изменилась, и деньги потекли обратно в сельскую местность: в 1960–1980-х гг. сельское хозяйство получало от 20% до 28% всех капиталовложений советского правительства вместо послевоенных 7% [Народное хозяйство СССР 1965]. Тем не менее сама организация агропроизводства уже к 1970-м гг. требовала реформ. Робкая и недолгая, так называемая косыгинская реформа 1960-х гг. с попыткой расширения хозрасчетных отношений не смогла стимулировать хозяйственную инициативу. Самым простым казалось увеличение материально-технической оснащенности, в том числе и аграрного сектора, которое начало выполняться по решениям знаменитого мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. Так, за 1965–1990 гг. капитальные вложения, основные производственные фонды сельского хозяйства и количество вносимых удобрений увеличились шестикратно, мощности тракторного парка – пятикратно. Фондовооруженность одного работника выросла в 5 раз, а в расчете на 100 га угодий – в 4 раза. При этом около половины всех вложений поглощали строительство мощных животноводческих комплексов и водная мелиорация. Все это обеспечило прирост продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении (без учета роста цен) в 1,7 раза, а в натуральном – всего на 35–45% при общем росте населения на 35% [Народное хозяйство РСФСР 1991]. «Интенсификация» сельского хозяйства шла с большим превышением затрат над результатами, при этом социальная ее составляющая сильно отставала от производственной.

Географическая картина интенсификации была весьма выразительна. Больше всего вложений в сельское хозяйство получили западные республики СССР и нечерноземные регионы России. Увеличение внесения удобрений было одним из основных результатов интенсификации; объем удобрений в Нечерноземье при низкой урожайности и выносе питательных веществ из почвы даже превышал

в некоторых районах технологические нормы. Но результаты были неадекватны усилиям: урожайность зерновых к северу от Московской области была ниже потенциальной, той, которая должна была бы быть при данном сочетании теплообеспеченности и увлажнения даже без применения специальных мер агротехники; во многих регионах Нечерноземья урожайность с 1970 г. по 1990 г. не росла. Увеличение внесения удобрений дало существенную отдачу только в республиках Прибалтики, в Западной Украине, в Московской и Ленинградской областях (рисунок 7). И только на этапе выхода из кризиса 1990-х гг. уже при рыночных условиях показатели продуктивности вновь начали подниматься.

Итак, в большинстве регионов Нечерноземья уже в 1970-х гг. растущие затраты натолкнулись на некий предел: аккумуляция капитала не давала прироста продуктивности земель и скота. Этот предел, конечно, связан с неизменным хозяйственным механизмом и технологией производства [Иоффе, Нефедова, Рунова 1988].

Следует обратить внимание и на другие факторы, внешние для сельского хозяйства, но имеющие на него огромное влияние – обеспеченность трудовыми ресурсами и инфраструктурой, социальная среда, которые явно не учитывались.

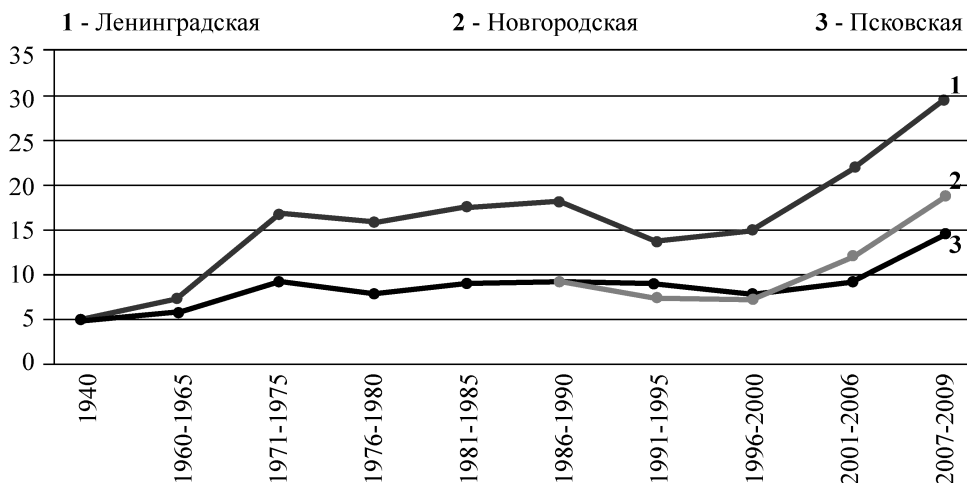

Рисунок 7. Урожайность зерновых культур в регионах северо-западного Нечерноземья, ц/га

Зарплаты в деревне в позднесоветское время постоянно росли, и к 1990 г. практически сравнялись с городскими (рисунок 8). Розничный товарооборот на душу населения также приближался к городскому, хотя за многими продуктами и товарами селянам приходилось ездить в города. Отставала социальная сфера: не хватало врачей, учителей и т.п. Но тогда это было связано не столько с финансами, сколько с депопуляцией – никто не хотел ехать в деревню.

Сейчас по официальным данным размер зарплаты в сельском хозяйстве вновь упал и занимает самую низшую строчку в рейтинге отраслей, составляя около 40% от зарплаты в городах. Однако статистика не учитывает тот факт, что значительная часть зарплат выдается продуктами и кормами для скота.

Инвестиции в сельскую местность в 1990-х гг. резко упали; произошло перераспределение инвестиций от сельского хозяйства в более высокие перерабатывающие звенья агропромышленного комплекса. При сокращении государственной

поддержки сельского хозяйства на фоне общеэкономического кризиса это вызвало в 1990-х гг. коллапс многих предприятий, особенно в районах Нечерноземья, где кризис обозначился уже в 1970-х гг. (см. ниже).

Таким образом, утверждение об ограблении деревни верно лишь отчасти в определенных временных и географических рамках.

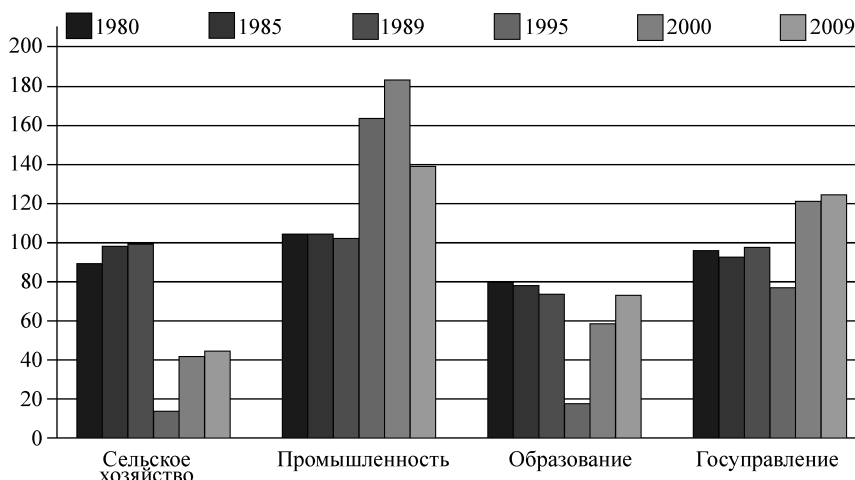

Рисунок 8. Зарплата в разных отраслях в % к средней по России с 1980 г. по 2009 г.

МИФ ТРЕТИЙ – Все дело в советской уравниловке, потере чувства хозяина.

Постоянное расширение территории России, относительная легкость переселения и перехода к новым участкам земли, земельные переделы, да и сам характер трехпольного земледелия до XX в. не способствовали стремлению обрабатывать возделанный участок, который, вскоре, мог быть брошенным или отданным другому [Качаровский 1906, с. 88]. Земля всегда в России считалась даром Божьим, на который у всех, как на воздух, права равны. И даже по мере того, как в обжитой зоне оставалось все меньше свободных земель, такое отношение к земле могло измениться (и менялось) только в случае хуторского расселения, которое для России было нехарактерно.

К концу XIX в. в староосвоенных районах, особенно южнее Москвы, сложилось аграрное перенаселение [Рыбников 1928]. По А.В. Чаянову, треть деревни составляли «лишние руки» [Чаянов 1989, с. 237]. Организация крестьянского хозяйства, также как и отношение к земле, отличалось от западной модели: для крестьян при растущем сельском населении и избытке рабочих рук были важны не выработка (и заработок) каждого работника, а занятость всех членов семьи и ее общий доход⁵. Вместе с общинными установками это развило устойчивое пренебрежение к личной производительности труда и эффективности индивидуальной работы, что имело важные культурологические последствия.

⁵ Приведу простой пример из книги А.В. Чаянова [Чаянов 1989, с. 263–282]. Производство овса на одной десяatine в Волоколамском уезде требовало 22 рабочих дня и давало 46 рублей дохода. Для выращивания льна нужно было 83 дня, что давало доход 91 рубль. Замена овса льном очень устраивала крестьянские семьи, поскольку повышала общую доходность хозяйства в два раза и позволяла занять всех работников (в т.ч. и зимой), хотя производительность и оплата труда одного работника снижались. Это во многом способствовало распространению льна в Нечерноземье.

Таким образом, пресловутая «уравниловка» возникла гораздо раньше социализма и была им лишь усилена, но потеря чувства хозяина земли прививалось долгие десятилетия именно при колхозно-совхозной системе в XX в. Вынужденное на первых этапах вступление в колхозы и совхозы, отторжение от земли, принадлежавшей государству, централизованное назначение руководителей по критерию политической надежности, отсутствие рыночных отношений и экономической самостоятельности, предписанная монодеятельность, распределение плановых заданий, показуха и тотальный организационный контроль, сочетающийся с воровством – все это существовало в течение нескольких поколений. Зарботки работников и дотации колхозам не зависели от результатов работы и тем более от вклада каждого работника или руководителя.

В психологии закрепился новый механизм функционирования наемного работника. Российские крестьяне практически лишились навыков самостоятельного хозяйствования на земле, кроме своих крошечных участков у дома, на которых они порой творили чудеса. К тому же в ходе коллективизации лучшие работники российской деревни были физически уничтожены. Долгие годы ее депопуляции и оттока наиболее активных ее жителей в города пропустили оставшееся в живых после сталинских репрессий сельское население России через «механизм отрицательной селекции», и опыт хозяйствования и соответствующий крестьянский человеческий капитал не смогли появиться в советскую эпоху.

Сознание нашего современника несет в себе пережитки многовекового рабства, проявляющиеся в низком самоуважении, пренебрежении к законам, вороватости, склонности работать спустя рукава и т.д. [Левада 2000]. Хотя человеческий капитал не является простой суммой потенциалов или реальных возможностей отдельных личностей, он формируется в результате длительного развития той или иной человеческой общности с учетом накопленных знаний и традиций. Сами реформы 1990-х гг. в сельской местности легли на ненадежный фундамент. З.И. Калугина отмечает, что в сельской местности еще не произошел переход от традиционного и ценностно-рационального поведения (по терминологии Макса Вебера) к целерациональному, преобладающим мотивом которого становится достижение определенных экономических целей [Калугина 2001, с. 63].

МИФ ЧЕТВЕРТЫЙ связывает все беды сельской местности и сельского хозяйства с ростом городов, депопуляцией сельского населения и дефицитом рабочих рук на селе.

В отличие от многих больших стран Россия старалась освоить свою огромную территорию, создавая в северных и удаленных восточных районах и большие города, и сельское хозяйство. Доля населения на ее северных окраинах и в азиатской части постоянно росла и сейчас составляет 25%. Столь активное освоение окраин, как и курс на рост промышленных городов опирались на представление о неисчерпаемости человеческих ресурсов в деревне. И действительно, в деревне в начале XX в. жило 87% всего населения. Сельское население, несмотря на положительный естественный прирост, убывало почти весь XX в., подпитывая растущие города. Но и все население России стало убывать с 1993 г.: страна подошла к уровню развитых стран по рождаемости при значительно более высокой смертности. По прогнозам демографов и Федеральной службы государственной статистики, население будет убывать и в будущем, причем при среднем варианте население в европейской России к 2050 г. может составить 69% от уровня 1989 г., а в азиатской – 59% [Вишневский, Андреев, Трейвиш 2003; Предположительная численность населения РФ 2010].

Максимальная численность сельского населения в современных границах России в 1926 г. составляла 76 млн чел., в 1950 г. – 58 млн, в 2010 г. – 37,5 млн [Демографический ежегодник 2001; Численность населения РФ 2010]. Многие области потеряли около 2/3 сельского населения, а удаленные периферийные районы

областей – до 90%. В первой половине XX в. причиной тому послужили, в основном, военные потери, голод, репрессии. Коллективизация также дала мощный толчок к сселению и забрасыванию мелких деревень, поскольку колхозному начальству было удобнее контролировать компактное, а не дисперсное расселение, при этом многие деревенские жители ехали не в центральное сельское поселение, а непосредственно в город [Иоффе 1990]. Во второй половине XX в. сельское население буквально таяло в результате миграций в быстрорастущие города, где наблюдался огромный дефицит рабочей силы. С 1990-х гг. (а в Нечерноземье и ранее) все заметнее сказывается и превышение смертности над рождаемостью в деревне. Максимум потерь сельского населения во второй половине XX в. наблюдался в полосе староосвоенных районов вокруг московской агломерации (рисунок 9).

В первую половину 1990-х гг. сельское население в России неожиданно стало расти и увеличилось на 600 тыс. чел. Правда, рост этот происходит, в основном, за счет административных преобразований поселков городского типа в села и притока населения из бывших советских республик. Однако уже с 1995 г. отрицательная траектория восстановилась, главным образом, за счет естественной убыли, а с 2000 г. – и за счет миграционной. Статистика показывает, что за последние 20 лет численность сельского населения России почти не изменилась: естественная убыль составила более 3 млн чел., но административные преобразования поселков городского типа (ПГТ) в села «увеличили» сельское население более чем на 2 млн чел., и около 1 млн чел. «дал» миграционный приток. Так что на самом деле сельское население продолжало убывать и очень существенно, особенно в районах прежнего сокращения в Нечерноземье.

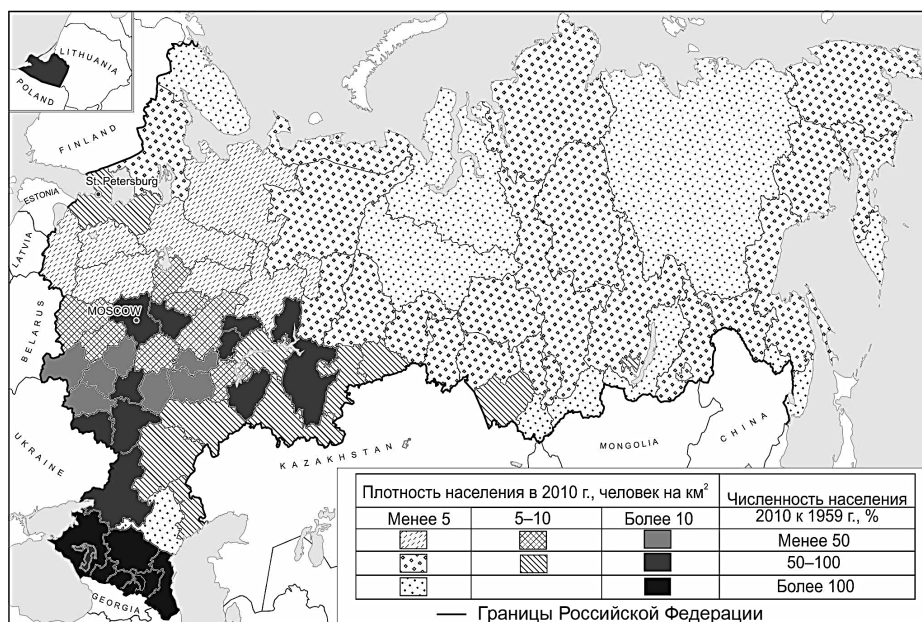

Рисунок 9. Соотношение плотности сельского населения в 2010 г. (чел./кв. км) и его динамики, 2010 г. в % к 1959 г.

Источники: [Демографический ежегодник 1995; Демографический ежегодник 2010; Всероссийская перепись 2011].

Самые тяжелые последствия депопуляции в результате оттока сельского населения в города понесло Нечерноземье, особенно к западу, северу и северо-востоку от Московской области (рисунки 9), где плотность населения и прежде была ниже, чем в южном направлении. Результаты исследования разных районов России показывают, что при суммарном воздействии депопуляции сельской местности (потере более половины населения за последние 50 лет в основном из-за его оттока) и сформировавшейся в результате низкой плотности населения (менее 5 чел. на км²) происходит качественное изменение социальной среды, и выживание крупных сельскохозяйственных предприятий становится проблематичным. Депопуляция привела к тому, что число домохозяйств, состоящих из одного-двух человек (а это, как правило, пенсионеры) в большинстве регионов превышают половину всех сельских домохозяйств.

Последствия сельской депопуляции и разрушения сети поселений колоссальны. Из 153 тыс. населенных пунктов: без населения стоят 19 тыс., с населением менее 10 чел. (в основном пенсионеры) – 36 тыс. [Всероссийская перепись 2011], и только треть населенных пунктов (51 тыс.) имеет население более 100 чел., формируя каркас расселения в сельской местности. Особенно сложная ситуация в малонаселенной зоне Нечерноземья, но на юге европейской России преобладают более полноценные сельские семьи и лучше сохранилась система расселения.

Казалось бы, миф о том, что города «съели» население деревни, погубив сельскую Россию, имеет под собой реальные основания, и он очень популярен среди писателей-«деревенщиков». Старая патриархальная населенная деревня с большими семьями действительно ушла. И прежде чем определить, много или мало людей осталось на селе, необходимо ответить на вопросы: «Для какого использования территории? Для какой деятельности? В каких условиях и в какое время?».

Дискуссия о трудообеспеченности сельского хозяйства развернулась еще в 1980-х гг., когда дефицит трудовых ресурсов в селах казался очевидным и уборка полей не обходилась без десантов горожан. Однако взгляды на причину этого дефицита расходились. Одна точка зрения сводила проблему к чисто демографическим факторам, т.е. уменьшению населения: эху войн, снижению рождаемости, миграционному оттоку. Другая связывала усиление дефицита труда с несовершенством его организации: так, уже в 1980-х гг. были посчитаны потери рабочего времени от нерациональной организации сельскохозяйственного производства и потерь продукции при уборке, транспортировке и хранении, которые достигали почти половины всех трудозатрат [Костаков 1983]. При числе занятых в сельском хозяйстве в 22 млн чел. это составляло примерно половину. К тому же производство постоянно расширялось, распаивались новые площади, партийные органы заставляли увеличивать поголовье скота. Отсюда и рост числа вакантных рабочих мест: к началу 1980-х гг. его оценивали в 6 млн чел.

И все же однозначного ответа на вопрос о дефиците населения в сельской местности дать не представляется возможным, поскольку урбанизация – это общемировой процесс. Ничего уникального в том, что сельское население в России уезжало в города, нет. Более того, в России большая часть населения живет в сельской местности и больше занято в сельском хозяйстве, чем на Западе, но результаты – намного ниже.

В 1990-е гг. кризис сельскохозяйственного производства привел к высвобождению занятых в сельском хозяйстве: сельская безработица, согласно опросам Международной организации труда, к 2000-м гг. достигала 18%, обогнав городскую; осенью 2011 г. она составляла по официальным данным в среднем по сельской России 9% при 5,3% в городах [Уровень безработицы 2011]; при этом максимальные значения она приобрела в республиках Северного Кавказа (особенно в Ингушетии и Чеченской республике), а также на севере и востоке страны.

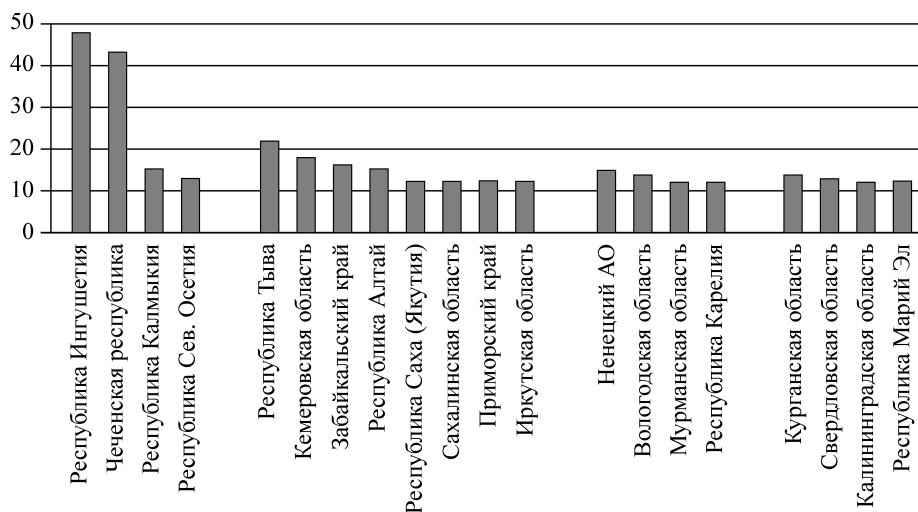

Рисунок 10. Регионы с самым высоким уровнем безработицы в сельской местности в третьем квартале 2011 г., согласно официальным данным, в % от экономически активного населения

Источник: [Уровень безработицы 2011].

На самом деле реальная безработица выше, чем показано на *рисунке 10*. Аграрная моноспециализация села привела к тому, что с упадком или даже с модернизацией основного предприятия во многих районах остро встали проблемы избытка, а не недостатка трудовых ресурсов; усилился временный отход трудоспособного населения в города. Но дело не только в экономических проблемах: качество трудовых ресурсов в регионах, теряющих население, оставляет желать лучшего. Жалобы руководителей предприятий на то, что некому работать, в последние годы участились. В удаленных селах с населением 100 и более человек часто нельзя найти нескольких надежных работников, которые продолжают трудиться после первой зарплаты. Деревня в депопулировавших районах действительно страдает от нехватки трудовых ресурсов. И тот факт, что это сопровождается высокой безработицей, говорит о том, что дефицит имеет не количественный, а качественный характер. Результаты отрицательного социального отбора населения (все, кто хотел чего-то добиться в жизни, уезжали) наиболее географически дифференцированы: наибольшие количественные и качественные потери населения произошли в Нечерноземье, а внутри регионов – на их периферии.

Почему же в Европе в свое время с притоком населения в города не случилось такой катастрофы? На самом деле это происходило во всех странах. Например, во Франции в первой половине XX в. наблюдались схожие проблемы [Мартон 1938]. Но при этом от Запада Россию отличают две особенности:

1. Огромное пространство и сравнительно редкая сеть больших городов, в которые и к которым (в пригороды) стягивалось сельское население. В результате в Нечерноземье между пригородами сформировались огромные ареалы социально-экономического опустынивания. На Западе сеть городов гораздо более плотная.

2. Неповоротливость предприятий в советское время. Колхозы и совхозы оказались не готовыми к такому миграционному оттоку и не способными меняться (уменьшать посевные площади, стимулировать рост производительности труда и т.п.) в отличие более мобильной рыночной экономики западных стран.

А как же умирающие деревни, где остались доживающие свой век бабушки? О каком количественном избытке трудовых ресурсов можно говорить в этих поселениях? В Нечерноземье производство в результате длительной концентрации давно уже переместилось в центральные усадьбы и в более крупные населенные пункты, и оставшееся на селе население в трудоспособном возрасте делится на две группы: первые представляют собой активную реально трудоспособную часть сельских работников, которых не устраивают современные заработки в деревне, и они стремятся хотя бы временно подрабатывать в Москве и в других крупных городах; вторые – это те работники, на которых работодатели положиться не могут.

Что такое качественный дефицит трудовых ресурсов можно показать на примере Нижнекосинского совхоза на севере Пермского края, который мы посетили в 2003 г. [Нефедова, Пэллот 2006]. В деревне жили 150 чел., все еще существовало отделение колхоза, в котором официально числились 20 чел., а вспахать землю и убрать урожай было некому, и это вынужден был делать сам бригадир. Такая же ситуация и на периферии Костромской области [Нефедова (2) 2012]. В ярославской глубинке мы сами слышали, как режут колхозные коровы, недоенные по несколько дней, потому что доярки в запое [Нефедова 2003, с. 107–109]. Фермеры часто не могут найти 2–3 работников, когда в деревне живут 200 чел. и половина трудоспособных без работы. Да и дачники, приезжающие на лето в деревню, где еще есть население, часто жалуются, что трудно найти помощников для ремонта дома и т.п., хотя предлагается неплохая оплата. Все это реальные факты состояния трудового потенциала в удаленных районах Нечерноземья.

В южных районах, напротив, наблюдается повышенная плотность сельского населения и лучше сохранен трудовой потенциал. Но это не всегда положительный фактор, так как излишек рабочей силы может служить и тормозом развития сельского хозяйства, поскольку боязнь сокращения работников консервирует устаревшие технологии и препятствует модернизации производства.

Для географов особенно важно, что пространственно эта проблема так сильно дифференцирована, что говорить о дефиците или избытке населения в сельской местности в России в целом вообще бессмысленно, хотя в каждой конкретной точке отсутствие этого баланса, безусловно, влияет на экономическую и социальную жизнь деревни.

Итак, каждый миф правомерен, но лишь отчасти, хотя совокупно они объясняют, почему в России все не так, как должно было бы быть, и как хотелось бы, когда затевались очередные реформы. Оставим в стороне мифы и попробуем разобраться, что же произошло с советскими сельскохозяйственными предприятиями в 1990–2000-х гг.

Постсоветские реформы и кризис агросектора

Реформы назревали давно. Поддержание сельскохозяйственных производства и потребления требовало к концу 1980-х гг. слишком большого финансирования, которое стало затруднительным при падении цен на нефть. Не решив за время перестройки главных проблем, сельское хозяйство во многих районах вступило в реформы в состоянии кризиса и в то же время – с полной неготовностью руководителей и населения кардинально менять сложившийся колхозный уклад жизни.

Отмечу главные вызовы, с которыми столкнулись практически все производители: резкое уменьшение государственной поддержки; появление реальной конкуренции за ресурсы; зачаточное состояние рынка, в т.ч. рынка сбыта продукции; многообразие форм собственности, борьба за нее; три уровня власти (федеральная, региональная и муниципальная) со своими интересами; множество субъек-

тов, принимающих решения, с которыми надо договариваться – административный ресурс был заменен коррупцией; влияние международного рынка; усиленное законотворчество и несовершенство законодательства; незнание законов производителями, отсюда неиспользование ими и местными властями механизмов уже заложенных в законах; отсутствие обратной связи между властью и населением; отсутствие гражданского общества и самоуправления.

Резкое уменьшение показателей было характерно в 1990-х гг. и для всего валового внутреннего продукта, и для производственного сектора (рисунок 11). При этом **промышленность пострадала даже сильнее сельского хозяйства**, но особенно сильное падение характерно было для инвестиций: к 1998 г. осталось лишь 20% от уровня 1990 г.

Помимо макроэкономических изменений в стране, собственно реформы сельского хозяйства включали: 1) реформы агропредприятий, 2) земельные реформы, 3) развитие крупных агропромышленных корпораций, 4) создание условий для развития частных хозяйств фермеров и населения. У крестьян появилась возможность выхода из колхоза со своей земельной и имущественной долей. И хотя поначалу к абстрактным, записанным на бумаге земельным долям большинство относилось без особого интереса, некоторые активные работники все же создали на их базе самостоятельные хозяйства.

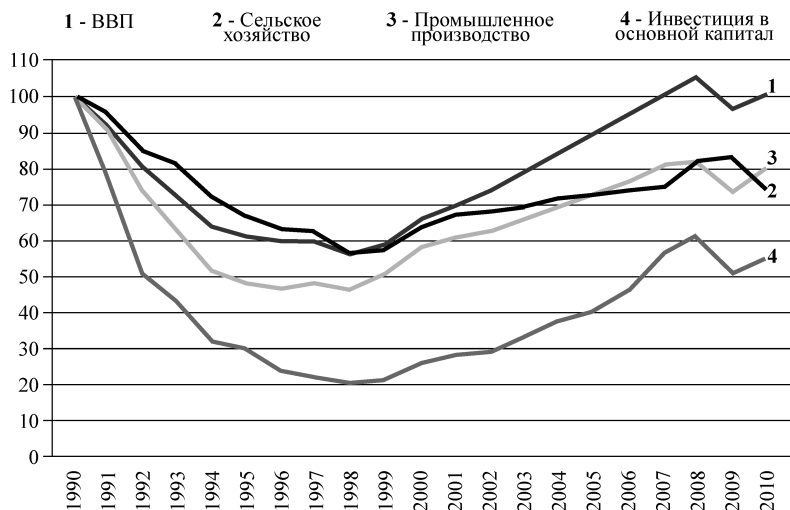

Рисунок 11. Динамика валового внутреннего продукта (ВВП), инвестиций, промышленного и сельскохозяйственного производства в % к 1990 г.

Источники: [Регионы России 1998; Регионы России 2007; Регионы России 2010].

Тем не менее не столько аграрные, сколько общеэкономические реформы существенно усугубили тот кризис общественных хозяйств, который можно было наблюдать на рубеже 1980–1990-х гг.⁶

⁶ Анализу кризиса и реформ в сельском хозяйстве посвящено много научных публикаций [Серова 1999; Аграрная реформа в России 2000 и др.].

В начале 1990-х гг. сельское хозяйство оказалась в ценовых тисках: с одной стороны, резко выросли цены на топливо, энергию, удобрения, технику, с другой, цены на агропродукцию были ограничены падением покупательной способности населения. К тому же произошло явное перераспределение валового дохода из сельского хозяйства в перерабатывающую сферу АПК и в торговлю: за первые три года реформ потребительские цены на продукты питания выросли в 568 раз, а цены реализации сельскохозяйственной продукции – в 125 раз [Зинченко 2002, с. 69]. Диспаритет цен между товарами промышленности и сельского хозяйства в первой половине 1990-х гг. вообще стал главной проблемой: так, один литр молока у сельских производителей стоил дешевле не только литра бензина и соли, но и литра минеральной воды. Этот диспаритет отражал и реальное разделение труда между городом и деревней, и тот факт, что у городов в условиях более открытого рынка появился выход в виде массового импорта продовольствия. Расширение натурального производства в хозяйствах населения еще больше сузило рынок сбыта продукции коллективных предприятий.

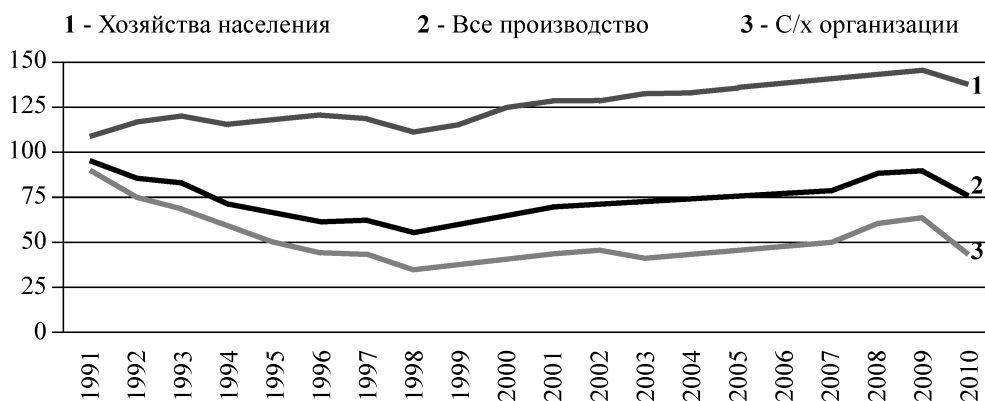

Рисунок. 12. Динамика всего производства, а также производства в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения в % к 1990 г.

Источники: [Регионы России 1998; Регионы России 2007; Регионы России 2011].

К концу 1990-х гг. объем производства всей агропродукции сократился на 40%, а в секторе сельскохозяйственных организаций – на 60% (рисунок 12). Такая разница во многом была связана с расширением мелкого частного сектора и увеличением продукции личных хозяйств населения и появлением фермеров (таблица 2). Главное, что агропредприятия перестали быть монополистами на селе и начали зависеть от смежных сельскохозяйственных укладов – индивидуального и фермерского. Их доля в общем производстве снизилась с 3/4 до 1/2 и менее. И если предприятия сохранили свои позиции в производстве зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, то овощеводство и картофелеводство в значительной степени ушло в мелкие хозяйства населения; сильно уменьшилась и доля предприятий в производстве животноводческой продукции.

И все же бывшие колхозы и совхозы постепенно адаптировались к новым условиям. Сказался и дефолт 1998 г.: после резкого увеличения стоимости доллара импорт продовольствия стал менее выгоден, чем его закупка у своих производителей. С 1999 г. сельскохозяйственное производство стало расти, но сначала речь

шла о протекающем с разной скоростью в различных подотраслях восстановлении потерянного. Тем не менее рост производства важен не только сам по себе, а как феномен выхода из кризиса: новые менеджеры очень долго не верили в сельское хозяйство и не вкладывали в него даже полученную там прибыль. Между тем рост производства подтолкнул инвестиции именно в агропроизводство, началась его модернизация, что видно и по росту продуктивности земли и скота после 2000 г. (рисунки 1 и 2). Сельское хозяйство стало качественно меняться, при этом происходили серьезные подвижки и в отраслевой структуре сельского хозяйства, и в его географии.

Таблица 2. Доля разных укладов в производстве и землепользовании

	Сельскохозяйственные организации			Хозяйства населения			Фермеры	
	1990	2000	2010	1990	2000	2010	2000	2010
В производстве:	75	45,2	44,5	25	51,6	48,4	3,2	7,1
Зерна	99,7	90,8	77,1	0,3	0,8	1,0	8,4	21,9
Подсолнечника	99	84,3	73,0	0	1,2	0,6	14,5	26,4
Картофеля	34	7,5	10,5	66	91,2	84,0	1,3	5,6
Овощей	70	22,9	17,1	30	74,7	71,5	2,4	11,4
Молока	76	47,3	44,9	24	50,9	50,4	1,8	4,7
Мяса	75	40,2	60,6	25	58	36,5	1,8	2,9
В используемой площади	98	–	82	2	–	6	–	12

Источники: [Регионы России 2011; Сельское хозяйство 2011].

Несмотря на рост валового производства, посевная площадь и поголовье крупного рогатого скота продолжали сокращаться, что свидетельствует об избирательности восстановления сельского хозяйства. Во многих регионах, особенно на их периферии оно продолжало сокращаться и в 2000-х гг. Относительно успешными оказались лишь отдельные предприятия, которые и начали давать существенный прирост продукции. Объем продукции растениеводства в 2004 г. достиг уровня 1990 г. В южных и восточных районах заметно увеличились доли зерновых культур и подсолнечника в посевной площади. Но одновременно роль зерновых культур уменьшалась в Нечерноземье, и только в последние годы намечилось некоторое увеличение посевов фуражного зерна.

Животноводство пережило особенно глубокий кризис. Его доля в валовой сельскохозяйственной продукции уменьшилась с 63% в 1990 г. до 44% в 2000 г. и 46% в 2009 г. В последние годы она немного увеличилась за счет восстановление поголовья птицы и свиней. Поголовье же крупного рогатого скота (КРС) уменьшилось с 57 млн в 1990 г. до 20,1 млн в 2011 г. [Сельское хозяйство в России 1998; Социально-экономическое положение России 2012]. Особенно катастрофическим было сокращение поголовья КРС на крупных предприятиях, в то время как мелким хозяйствам населения скот удалось сохранить (рисунки 13), правда, лишь в южных районах, где выше трудовой потенциал в сельской местности. Все это имело далеко идущие последствия: одним из них стало появление излишков зерна и как следствие увеличение экспорта зерна.

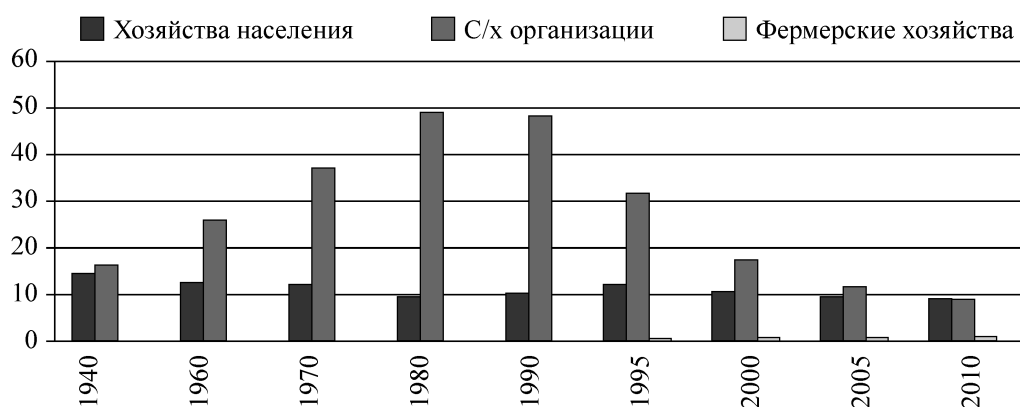

Рисунок 13. Поголовье крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях, хозяйствах населения и у фермеров с 1990 г. по 2010 г., млн голов

Источники: [Сельское хозяйство СССР 1988; Народное хозяйство 1991; Регионы России 2000; Регионы России 2011].

И все же, после длительных гонений в советское время частное сельское хозяйство в 1990-х гг. получило законодательные возможности для развития. Теоретически население имеет право выбора:

- ограничиться приусадебным хозяйством (используя дополнительные земли, выделяемые сельскими администрациями или предприятиями), передав свою земельную долю в аренду предприятию. При этом сельские жители могут работать в колхозе или где-то еще, или вовсе не работать;

- получить земельную долю или ее часть, но не оформлять юридически свое фермерское хозяйство;

- забрать весь земельный и имущественный пай, зарегистрировать фермерское хозяйство, получить дополнительные земли в аренду из фонда перераспределения или выкупить пай своих соседей и развивать собственное производство.

Несмотря на столь либеральное законодательство, множество препятствий, которые чинили чиновники, и неготовность населения к коммерческим рискам привели к тому, что подавляющее большинство владельцев земельных долей предпочли ограничиться своим приусадебным участком и дополнительными огородами при сохранении работы по найму на предприятиях. В настоящее время доля фермерских хозяйств в численности сельского населения составляет около 2%, вместе с семьями – не более 5–6% населения; такое же количество сельский домохозяйств взяло в собственность земельный пай без оформления фермерского хозяйства.

Основные уклады сельской экономики

Усиление многоукладности сельской экономики всегда ярко проявляется в переходные периоды, когда вместе со старыми укладами появляются новые. В начале XX в. имели место четыре основных уклада: помещичий, мелкотоварный, капиталистический и рождающийся социалистический. Сейчас, по истечении 60-летнего господства социалистического способа производства в аграрном секторе, мы вновь вернулись к четырем основным укладам, хотя и иным, но также не однородным:

1 – самостоятельные сельскохозяйственные предприятия – прямые наследники колхозов и совхозов: сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК), государственные предприятия, открытые и закрытые акционерные общества, товарищества и другие. Они могут кардинально отличаться по размеру (от микро- до крупных предприятий) и моделям адаптации к новым условиям (см. ниже);

2 – агрохолдинги, включающие, как правило, несколько агропредприятий, а также предприятия, занятые переработкой сельскохозяйственной продукции, торговые предприятия и иные, не связанные с сельским хозяйством производства. Они также отличаются по размеру, территориальному охвату (межрегиональные, региональные, локальные), составу звеньев. Модернизация в них идет быстрее, создаются новые вполне конкурентоспособные звенья, для них характерен современный, хотя и жесткий менеджмент. При этом в официальной статистике первая и вторая группа объединены в категорию «сельскохозяйственные организации», что очень затрудняет анализ реальных процессов;

3 – крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица. Они формировались как управляющим персоналом и работниками колхозов, так и частными лицами;

4 – хозяйства населения, куда включаются не только бывшие личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельских жителей, но и сады, и огороды горожан; они есть в каждой деревне, но их роль различается. Появляются и новые хозяйства, в т.ч. товарные. Есть особый тип так называемых арендаторов – временных мигрантов из других регионов и стран СНГ.

Возможности и перспективы частного фермерского и предпринимательского хозяйства, а также хозяйств населения (в т.ч. товарных) неоднократно анализировались в литературе, в т.ч. и автором [Нефедова, Пэллот 2006; Пацюрковский 2010 и другие]. Они требуют специального разговора. Здесь рассмотрим, что произошло с бывшими колхозами и совхозами, на которые опиралось советское сельское хозяйство.

Преобразование сельскохозяйственных предприятий

Колхозы и совхозы, порожденные коллективизацией, не были застывшими ячейками. Их то укрупняли, то разукрупняли, меняли статус. В 1940 г. колхозы и совхозы имели почти столько же скота, сколько и население, в 1980 г. – в 5 раз больше, затем их показатели опять стали нивелироваться (рисунок 13). К 2011 г. в сельскохозяйственных организациях было сконцентрировано 46% поголовья КРС, 63% свиней, 65% птицы и только 20% овец и коз [Регионы России 2011]; при этом данные предприятия объединяли около 80% сельскохозяйственных земель.

Государство в 1990-х гг. списывало долги предприятий, однако это лишь провизировало их накопление. Производителям катастрофически не хватало оборотного капитала; в расчетах царил бартер; налаживание сбыта продукции, о котором прежде предприятия не заботились, оказалось им не по силам, а создание новой рыночной инфраструктуры сбыта требовало времени. Все это поставило бывшие колхозы и совхозы в совершенно иные коммерческие условия функционирования, тогда как сами предприятия менялись очень медленно. К тому же руководители предприятий оказались совершенно не готовы к таким изменениям, уровень их менеджерской квалификации был весьма низким.

Доля убыточных предприятий достигла максимума в 1998 г. (88%). Но значительная часть их выжила, и в 2010 г. убыточными оставались лишь 28%

крупных и средних сельскохозяйственных организаций⁷. Уменьшение доли убыточных предприятий произошло не только благодаря выходу сельского хозяйства из кризиса, но и за счет закрытия недееспособных: число предприятий уменьшилось с 25 тыс. в 1990 г. до 16 тыс. в 2007 г. С переходом на новую систему учета предприятий (ОКВЭД) и исключением непрофильных организаций в 2008 г. их осталось 9 тыс., а к 2011 г. сократилось до 7,2 тыс. [Сельское хозяйство 2011]. Занятость на предприятиях тоже резко сократилась с 8,3 млн чел. в 1990 г. до 2 млн чел. в 2010 г. Зато посевная площадь среднего предприятия уменьшилась незначительно – с 2,9 тыс. га до 2,3 тыс. га, но среднее количество крупного рогатого скота на одном предприятии изменилось катастрофически: с 1800 голов в 1990 г. до 130 – в 2010 г. [Сельское хозяйство 1998; Сельское хозяйство 2011].

Современные предприятия или сельскохозяйственные организации, как их обозначают в статистике, очень разнообразны. Новые капиталистические принципы в бывших колхозах и совхозах могут по-разному сочетаться с привычными социалистическими. Если говорить о самостоятельных предприятиях, то можно выделить две модели их преобразования в 1990-х гг., которые с некоторой условностью соответствуют «отступлению назад» или «продвижению вперед». Типичным представителем первой модели служат выжившие колхозы, порой со старыми председателями. Но чаще колхозы преобразовывались в сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК). Многие предприятия, в начале 1990-х гг. реструктуризированные в АО или ТОО, после демократической эйфории и бурных собраний с требованиями делить прибыль между работниками, а не вкладывать в развитие, возвратились к организационной форме СПК, где роль администрации в управлении гораздо сильнее. В некоторых регионах активно создавались государственные (муниципальные) унитарные предприятия под эгидой региональных или районных администраций. Под благими целями помощи слабым предприятиям на месте бывших управлений сельского хозяйства создавались региональные коммерческо-административные структуры. Они монополизировали распределение кредитов, удобрений, лизинг техники, через них осуществлялся сбыт продукции. И, естественно, такие полукommerческие структуры были больше всего заинтересованы в контроле не над слабыми, а над сильными предприятиями. Такого рода «путь назад» был наиболее характерен для регионов бывшего «красного пояса» – от Центрального Черноземья до Поволжья и национальных республик [Нефедова 2003].

Поиски новых моделей выживания предприятий, «пути вперед», были весьма разнообразны. Главным стало появление руководителей с новым мышлением, умеющих найти нишу на рынке и модернизировать производство. При этом было неважно, какая у организации форма. Довольно много таких предприятий фиксировалось в Подмоскowie и пригородах других крупных городов, а также в наиболее мощных южных сельскохозяйственных регионах России, где часть предприятий сохранила колхозную форму. Часто встречались попытки приватизации предприятия его руководителем или администрацией; скупая у колхозников земельные и имущественные паи, они становились крупными собственниками, заинтересованными в результатах деятельности. Активно практиковалась скупка акций предприятий, ставших акционерными обществами, сторонними организациями, причем не всегда с положительным результатом. Есть множество примеров прихода такого рода «инвесторов», причем в ряде случаев даже путем искусственных банкротств успешных предприятий. Особенно это было характерно для тех районов, где есть стимулы захвата земель: либо на юге для сельскохозяйственных целей, где особенно выгодно производство зерновых культур, либо в пригородах с целью смены землепользования. Некоторые предприятия сами инициировали банкрот-

⁷ Удельный вес всех убыточных предприятий в РФ – 30% [Сельское хозяйство 2011].

ство, оставляя накопленные долги в старом хозяйстве и переводя активы в новое, иногда даже с тем же названием. Некоторые, как правило, более слабые, делились на два–три предприятия или «почковались», другие, более успешные, которым не хватало земли или оборотных средств, стремились присоединить более слабых соседей. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что анализировать низовую статистику по предприятиям в динамике крайне сложно.

Географические различия в организационных процессах хорошо видны: так, в пригородах и на юге относительно успешны от 1/2 до 2/3 агропредприятий, которые, как правило, стремятся к укрупнению, несмотря на вытеснение сельского хозяйства вблизи больших городов. На периферии Нечерноземья перспективы выжить имеют от 20% до 30% предприятий; некоторые из них дробятся или резко сокращают число работников; множество слабых предприятий уже перестало существовать либо после разделения на мелкие хозяйства, либо из-за поглощения более сильными. Те, что остались, как правило, резко уменьшают объем деятельности и обрабатываемые площади или «уходят под крыло» районных администраций или перерабатывающих предприятий.

Среди сельскохозяйственных предприятий можно выделить три группы: 1 – крупные и средние; 2 – малые и 3 – микропредприятия. Они различаются по суммарной доле участия федеральных, региональных и муниципальных образований и других юридических лиц в уставном капитале (для малых и микропредприятий их доля не должны превышать 25%) и по числу работающих. В сельском хозяйстве к малым предприятиям относятся хозяйства с числом работников до 60 чел. (в промышленности – до 100 чел., в розничной торговле – до 30 чел.), а к микросельхозпредприятиям – до 15 чел. [Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007]. Среди сельскохозяйственных организаций наибольшую долю продукции до сих пор производят крупные и средние предприятия. Если же учитывать всех производителей, включая фермеров и хозяйства населения, то раздробление производства станет более явным. Доля крупных и средних предприятий превышает по статистике половину всего производства в России только по зерну⁸. Доля самостоятельных крупных и средних предприятий еще ниже, поскольку многие из них на тех или иных условиях входят в агропромышленные холдинги.

Вертикальные структуры АПК

Помимо дробления предприятий, в 2000-х гг. наблюдалась тенденция концентрации собственности и создания крупных агропромышленных объединений – вертикальной интеграции пищевых предприятий с сельскохозяйственными производителями, торговыми, финансовыми или обслуживающими структурами. Несбалансированность институциональных реформ и резкое уменьшение государственной поддержки сельского хозяйства в начале 1990-х гг. требовали концентрации капитала для уменьшения рисков, улучшения организации производства и совершенствования управления. Важными причинами стали также накопление капитала у отдельных частных структур, необходимость маневрирования издержками и прибылью, что возможно при диверсифицированном производстве, а также стандартизация спроса населения на продукты питания, необходимость конкурировать с импортом продовольствия. К тому же к концу 1990-х гг. в России вызрел класс новых высококвалифицированных управленцев на крупных предприятиях

⁸ На самом деле она несколько выше, поскольку все предприятия и фермеры сильно занижают объемы своего производства с целью ухода от налогов, иначе им просто не выжить.

пищевой промышленности, который резко диссонировал с преобладающим слабым менеджментом на сельскохозяйственных предприятиях.

Следует отметить, что формирование вертикальных структур «от поля до прилавка» возможно двумя путями: «снизу» от сельскохозяйственных производителей и «сверху» чаще от перерабатывающих или торговых структур. Первый путь наиболее характерен для западных стран, где фермеры создавали финансово-кредитные, сбытовые кооперативы, налаживали переработку продукции. Такие кооперативы могут быть различного размера и включать разное число звеньев и хозяйств. Именно так была создана финскими фермерами знаменитая фирма «Валио», которая впоследствии превратилась в международный концерн. В России возможности такой добровольной «кооперации снизу» подробно рассматривались А.В. Чаиновым, именно в ней он видел основной путь развития российского сельского хозяйства, хотя страна пошла по другому пути [Чаинов 1991]⁹.

В современных рыночных условиях «кооперация снизу» приживается с трудом, хотя в районах, где много фермеров, зачатки такой кооперации появляются. Гораздо большее распространение получила «кооперация сверху», вернее, большая или меньшая степень включения сельскохозяйственных производителей в агропромышленные холдинги, формируемые чаще всего переработчиками сельскохозяйственной продукции. Во многом это было связано и с лучшим состоянием пищевой промышленности по сравнению с сельским хозяйством.

Пищевая индустрия в 1990-х гг. тоже пережила кризис. Производство упало почти вдвое из-за сокращения реальных доходов и платежеспособного спроса населения, натурализации потребления (ориентация на продукцию со своих участков, заготовки на зиму и т.п.), интервенции импорта и спада в сельском хозяйстве. И все же эта отрасль даже в самые тяжелые времена чувствовала себя лучше других (кроме нефтяной и газовой промышленности): ее доля выросла во многих городах, где текстильные фабрики, машиностроительные заводы находились в худшем состоянии. Доля пищевой промышленности особенно высока в столицах и их пригородах, причем это общемировая тенденция, и это связано с деиндустриализацией, более высокими доходами населения, с развитой торговлей в крупнейших центрах. С 1997 г. российская пищевая индустрия в целом растет; исключение составляет производство мяса (особенно говядины) и животного масла.

Увлечшись поначалу импортом сырья, руководители пищевых предприятий осознали, что зачастую выгоднее формировать свою сырьевую базу. Особенно быстро объем инвестиций в сельское хозяйство стал расти после дефолта 1998 г.: именно тогда импорт стал невыгоден. Однако опора инвесторов на разрозненные агропредприятия, находящиеся в кризисе, оказалась ненадежной.

Более того, не только пищевые предприятия, но и торговые фирмы и даже компании, далекие от сельского хозяйства, обнаружили, что при сравнительно небольших вложениях сельское хозяйство, особенно растениеводство, – выгодная отрасль с относительно коротким оборотом инвестиций [Никулин 2005]. Капитал, в том числе и московский, стал выплескиваться из городов в сельское хозяйство. Городские предприятия либо приобретали сельскохозяйственных производителей в разных регионах России, включая их в общую цепочку производства «от поля до прилавка» (арендуя или скупая при этом земельные паи сельских жителей), либо заключали с ними договора на 5–10 лет, инвестируя в приобретение техники, обновление поголовья скота в обмен на расплату сельскохозяйственной продукцией.

Агропромышленные холдинги включали не только производство сельскохозяйственной продукции, ее переработку и продажу, но и снабжение агропредприятий топливом, оборудованием, удобрениями, ставили своих менеджеров,

⁹ А.В. Чаинов был расстрелян в сталинские времена.

обновляли поголовье скота, ремонтировали помещение, налаживали жесткий ветеринарный и санитарный контроль. Помимо сырьевой обеспеченности холдингам было выгодно иметь в своем составе сельскохозяйственные предприятия даже с высокой себестоимостью, поскольку сельское хозяйство освобождено от налога на прибыль, а переработка – нет. Поэтому, покупая у своих же сельхозпроизводителей сырье дороже и тем самым увеличивая на него затраты, агрохолдинги имели возможность платить меньше налогов.

С конца 1990-х гг. в АПК стали появляться и иностранные компании. Попадая в Россию, они проходили обычно несколько этапов: 1 – импорт своей продукции, 2 – создание системы ее распределения, 3 – создание российского производства на импортных ингредиентах, 4 – создание производства на российском сырье, 5 – производство сырья в России. Крупные пищевые предприятия, особенно с иностранным капиталом, влияют и на закупочные цены на рынке. Например, закупочная цена литра молока у подмосковного предприятия «Данон» почти в 2 раза выше, чем у местных молокозаводов. Но и требования к сырью они предъявляют более жесткие, чем местные заводы, опираясь на самых лучших производителей.

Обычно агрохолдинги сочетают несколько направлений деятельности: зерновой и сахарный бизнес, производство молочных продуктов и соков, животноводство разной специализации с производством кормов. Наиболее прибыльными агропромышленные холдинги оказываются либо в районах с благоприятными природными условиями, либо недалеко от крупных городов, где есть емкий рынок. В депрессивных районах агрохолдинги работают редко, разве что на окраинах крупных мегаполисов, например, в областях, окружающие Московскую область, куда выборочно из-за дешевизны земли переводятся филиалы некоторых пригородных предприятий.

Новые структуры принципиально отличаются от существовавших в советское время трестов, главков и ведомств меньшими масштабами, большей гибкостью, более коротким горизонтом планирования и более прозрачной системой оценки эффективности (финансовый результат вместо выполнения плановых показателей).

Важную роль в процессе слияний и поглощений в АПК играли холдинги на базе московских пищевых предприятий. Они приобретали сельхозпроизводителей в Московской области, в соседних областях вдоль границы с Московской, где стоимость земли значительно ниже, а также в черноземных регионах, где инвестиции в производства сырья дают повышенную отдачу. Яркими примерами служат Останкинский мясокомбинат, создающий филиалы своих подмосковных свинокомплексов в Смоленской области, или Черкизовский мясокомбинат, который поначалу приобретал сельскохозяйственные предприятия в Московской области, а в 2005 г., объединившись с АПК «Михайловский», укрепил свою перерабатывающую и сельскохозяйственную базу в Субчерноземье и Поволжье. Оба холдинга, помимо мясоперерабатывающих заводов, включают свинокомплексы, фермы крупного рогатого скота и производят корма на своих сельскохозяйственных предприятиях. Многие крупные российские агрохолдинги в конце концов переходят в собственность иностранных компаний: так, последний пакет акций «Вимм-Билль-Данна» в 2011 г. был выкуплен компанией PepsiCo.

Помимо отечественных и зарубежных межрегиональных агрохолдингов, создаются вертикальные структуры регионального и даже муниципального масштаба. Они играют важную роль в оздоровлении экономики малых и средних городов.

Современная статистика сельского хозяйства не отражает пространственную экспансию агропромышленных компаний, поскольку оперирует показателями низовых звеньев в разрезе регионов без привязки к компаниям, в то время как реальное функционирование в результате централизации осуществляется по вертикальным структурам в разрезе крупных собственников. По некоторым оценкам

на предприятия, включенные в агрохолдинги, сейчас приходится 15–20% продовольствия (то есть почти половина всего производства сельскохозяйственных организаций) и их роль возрастает [Рубанов 2008].

Экономические и социальные последствия концентрации собственности

Формирование вертикальных структур в агропромышленном комплексе оказало существенное влияние на российскую экономику и пространство страны. Холдинги способны обеспечить более стабильные поставки продукции на рынок, поскольку будучи более диверсифицированными, чем отдельные моноотраслевые компании, они более устойчивы к колебаниями конъюнктуры рынков, что продемонстрировал зерновой кризис 2010 г., когда разорились многие экспортеры зерна, не имевшие других источников дохода.

Межрегиональные холдинги «сшивают» российское пространство, преодолевая региональные барьеры. Это не всегда удавалось легко из-за вмешательства региональных элит: так, некоторые субъекты РФ запрещали или ограничивали вывоз сельскохозяйственных продуктов, вследствие чего агрохолдингам приходилось создавать в этих регионах специальные дочерние структуры для скупки сырья. Благодаря крупным холдингам и их лучшему техническому вооружению происходит частичное возвратное вовлечение заброшенных территорий в сельское хозяйство, что чрезвычайно важно для сохранения социального контроля над огромными территориями в Нечерноземье и на востоке страны.

В тех регионах, где расположены звенья холдингов и прекратили работу местные производители, агрохолдинги увеличивают занятость местного населения и поступления налогов в местные бюджеты, хотя многие активно используют и временную рабочую силу мигрантов. Однако московские и иные городские менеджеры, даже если они «сидят» в регионах, не заинтересованы в развитии местной социальной сферы, нарушают сложившиеся локальные отношения властей. Поэтому приход «москвичей», несмотря на инвестиции и занятость, не всегда поддерживается местной элитой и населением.

Новые институциональные условия продемонстрировали важность экономических и социальных факторов развития. И хотя сельское хозяйство «перемещается» в южные районы [Нефедова (1) 2012], движущей силой этого сдвига служат качественное истощение рабочей силы и неэффективность современных технологий в Нечерноземье. Тот же фактор трудового потенциала наряду с фактором спроса, вопреки мировым тенденциям, удерживает сельское хозяйство в пригородах больших городов. Это особенно ярко проявляется в московской агломерации и создает острые конфликты землепользования между сельским хозяйством, садово-дачной рекреацией, строительной индустрией, торговлей [Махрова, Нефедова, Трейвиши 2008].

Агрохолдинги, частично спасая сельское хозяйство, усиливают поляризацию российского пространства, отбирая лучшие или наиболее удобно расположенные предприятия и отсекая массу предприятий, не включенных в вертикальные структуры и испытывающих трудности производства и сбыта своей продукции. Многие производители вне агрохолдингов не выдерживают конкуренции с ними, особенно это касается периферийных районов, куда не доходят не только московские, но и региональные холдинги, также предпочитающие территории ближе к городам, где обычно расположены их управляющие центры. Налицо явный парадокс – агрохолдинги и пищевые предприятия борются за рынки сырья и более или менее успешные сельскохозяйственные производства, а масса оставшихся вне вертикальных структур не знает, куда девать продукцию, поскольку не отстроена общая инфраструктура сбыта.

В то же время поддержка городским бизнесом предприятий «средняков» и «передовиков» в сельском хозяйстве на данном этапе очень важна. Это ведет к существенной, хотя и «точечной» модернизации производства, повышению его продуктивности. Главное, что оставшиеся вне холдингов производители не должны лишаться поддержки региональных властей и местного среднего бизнеса.

Помимо позитивных экономических эффектов концентрации собственности, имеются и негативные, к которым относится рост издержек неэффективного управления громоздких структур, потеря гибкости в адаптации к рынку, рост коррупции за счет слияния менеджмента крупных компаний и региональной власти [Кузьминов, Нефедова 2012].

Усиление концентрации в отрасли приводит к тому, что крупные агропромышленные компании, в конце концов, приобретаются иностранными глобальными монстрами, как это, например, произошло с холдингами «Вимм-Билль-Данн» и «Юнимилк». Однако есть и противоположная тенденция: тот же «Вимм-Билль-Данн» осуществлял широкую экспансию в страны СНГ, скупая молокозаводы в других странах.

Но главными негативными эффектами консолидации отраслей стали социальные. При общем тренде повышении зарплат в дочерних предприятиях холдингов такое повышение было избирательным, поскольку холдинги часто прибегают к сокращению рабочей силы.

Агрохолдинги редко работают с хозяйствами населения и мелкими предприятиями из-за ненадежности поставок и сложности контролировать качество небольших объемов разнородной продукции, которая из-за отсутствия необходимых технологий часто не соответствует санитарным нормам; исключение составляют лишь новые частные компании.

Ликвидация леспромхозов, кризис лесопромышленного комплекса и более высокая степень механизации в новых частных компаниях сократили потребность в занятых и в лесозаготовках. Вместе с преобразованием и кризисом агропредприятий это привело к высвобождению значительного количества работников, которые при отсутствии других рабочих мест и слабой предпринимательской активности населения не смогли найти себе занятие в сельской местности и в малых городах.

И даже в южных относительно благополучных районах приход агрохолдингов, сопровождающийся обычно переходом на более выгодное растениеводство и уменьшением поголовья крупного рогатого скота, приводит к уменьшению занятости местного населения и увеличению безработицы в крупных монофункциональных сельских поселениях [Нефедова (1) 2012]. Тем более что холдинги стремятся скупать земельные доли населения, лишая его такой поддержки, как арендная натуроплата за ее использование, стимулирующая частное животноводство [Нефедова, Пэллот 2006]. Есть случаи и захвата земель, особенно это касается крупных агрохолдингов, от которых зависят муниципальные и даже региональные власти. В случаях коррупционного сращения власти и бизнеса ситуация становится криминальной.

Концентрация производства в лесной отрасли выше, чем в агропромышленном комплексе, где рассредоточенность потребителей способствует более равномерному распределению отрасли с учетом природных предпосылок (таблица 3). В лесном комплексе 68% всей необработанной древесины дают всего 10 областей.

В целом состояние лесной отрасли не очень благоприятно. И хотя доля убыточных предприятий сократилась с 2005 г. по 2010 г. с 62% до 56%, она остается выше, чем в сельском хозяйстве. В процессе рыночной трансформации проявились тенденции вертикальной интеграции предприятий, причем наблюдаются те же закономерности, что и в агропромышленных холдингах. Два основных фактора влияют на выживание предприятий лесопромышленного комплекса и через них – на состояние сельской местности [Кузьминов 2012]: 1 – транспортно-геогра-

фическое положение и связи по экспорту древесины, которые все больше переориентируются на Китай; 2 – наличие крупных предприятий глубокой переработки древесины, особенно целлюлозно-бумажных комбинатов (ЦБК).

Таблица 3. Концентрация сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства. Доля продукции регионов-лидеров в общем производстве, %

Валовая продукция сельского хозяйства				Вывозка древесины			
	1990	2000	2010	1990	2000	2010	
5 регионов-лидеров	18	21	24	38	42	46	5 регионов-лидеров
10 регионов-лидеров	32	35	38	59	68	68	10 регионов-лидеров
20 регионов-лидеров	52	56	59	78	88	86	20 регионов-лидеров
10 регионов-лидеров в сельском хозяйстве в 2010 г. и их доля в предыдущие годы				10 регионов-лидеров в лесном хозяйстве в 2010 г. и их доля в предыдущие годы			
Краснодарский край	4,5	6,3	7,6	10,9	11,2	15,6	Иркутская область
Ростовская область	3,3	3,7	4,5	4,0	6,9	9,5	Вологодская область
Татарстан	3,9	4,1	4,0	7,3	6,5	8,3	Красноярский край
Белгородская область	1,6	2,0	3,9	7,4	9,5	7,5	Архангельская обл.
Башкортостан	3,7	3,7	3,4	3,8	5,8	5,2	Хабаровский край
Алтайский край	2,8	3,2	3,2	7,0	7,1	5,1	Республика Коми
Ставропольский край	2,5	2,6	3,2	3,5	5,9	4,9	Республика Карелия
Московская область	3,2	3,2	3,0	3,9	6,5	4,8	Кировская область
Саратовская область	2,2	2,5	2,7	1,6	2,3	3,6	Приморский край
Воронежская область	2,0	2,4	2,6	2,0	2,7	3,3	Ленинградская обл.

Источник: [Регионы России 2011].

Заключение

Итак, главным географическим вызовом XX в. для сельской России стала разнонаправленность двух процессов: сжатия социального сельского пространства и расширение пространства экономического. Вместе с неадаптивностью колхозно-совхозной системы к социальным и экономическим вызовам это породило множество проблем в сельском хозяйстве и обширную объясняющую их мифологию.

Реформы 1990-х гг. легли на очень ненадежный фундамент и привели зачастую совсем не к тем результатам в сельском хозяйстве, на которые рассчитывали. В итоге они способствовали двум разнонаправленным организационным процессам. С одной стороны, произошла деконцентрация значительной части производства в результате разрушения системы советских предприятий. В сельском хозяйстве деконцентрация, в большей степени характерная для 1990-х гг., выразилась, прежде всего, во вторичной аграризации населения (не только сельского, но и го-

родского) и увеличения вклада мелких натуральных и полунатуральных хозяйств с 26% до 47% [Регионы России 2011]. И хотя появились и товарные фермерские хозяйства, их роль оказалась значительно меньше, чем ожидалось: основными товарными поставщиками отечественного продовольствия в города остались крупные и средние предприятия. С другой стороны, главной тенденцией 2000-х гг. стала вторичная концентрация и модернизация производства и включение сельскохозяйственных предприятий в крупные вертикально интегрированные структуры, иницируемые и управляемые из городов и использующие современные технологии производства, переработки продукции и логистики. Это дало толчок обновлению отрасли. Появились новые пространственные конфигурации, сформированные сырьевыми зонами этих вертикальных структур. Те же процессы происходили и в лесопромышленном комплексе.

Крупные холдинги в 2000-х гг. способствовали частичному выходу сельского и лесного хозяйства из кризиса, но при этом звено предприятий-средняков сжималось. Впрочем, это характерно для России, как страны крайностей, которая не может сформировать в большинстве районов и средний класс (пока к нему условно можно отнести незначительную прослойку сельских предпринимателей и интеллигенции).

Кризис многих предприятий и концентрация прежде гораздо более рассредоточенных отраслей сельского и лесного хозяйства усилили поляризацию сельского пространства. Наряду с относительно успешными предприятиями и районами существуют обширные ареалы социально-экономической депрессии, откуда население либо уезжает, либо ищет временную работу в городах (новый отход).

Экономическая гиперконцентрация в сельской местности приводит к серьезным социальным и экологическим последствиям. Все это говорит о том, что нарушен баланс экономических, социальных и экологических факторов развития, что может иметь серьезные как «взрывные», так и «долгоиграющие» последствия. Однако, как показывает опыт других стран, достижение этого баланса характерно для стран с развитой и устойчивой институциональной средой и «богатым» населением, которые могут позволить себе приоритет социально-экологических целей над уже достигнутыми экономическими.

Мы по-прежнему озабочены количественными показателями: численностью постоянных жителей, размером используемых земель, поголовьем скота. Как показывает опыт западных стран, в современных условиях гораздо важнее инфраструктурная обустроенность, условия жизни населения, его мобильность, производительность труда и качество продукции.

Если же обратиться к пока еще ключевой отрасли нашей сельской местности – сельскому хозяйству – и к задаче обеспечения продовольственной безопасности страны, то в разных масштабах можно увидеть разные модели (стратегии) развития.

На федеральном уровне важны южные районы европейской России и Сибири, регионы, сохранившие трудовой потенциал сельской местности, где должны создаваться условия для развития всех типов товаропроизводителей (агрохолдингов, крупных, средних и малых предприятий, фермеров и хозяйств населения). Здесь вполне успешно относительно экстенсивное зерновое хозяйство и выращивание технических культур. Следует отметить, что в данном контексте главными институциональными вызовами в более успешных южных районах стали:

а) необходимость стимулирования товарного животноводства, особенно восстановления поголовья крупного рогатого скота, а после вступления в ВТО – сохранения свиноводства и птицеводства;

б) решение проблем сельской безработицы путем стимулирования развития сектора услуг и сельской индустриализации в крупных селах;

в) предотвращение истощения земель в результате нерационального природопользования.

На региональном и межрегиональном уровне за пределами благодатного российского юга наибольшее сельскохозяйственное значение имеют пригороды больших городов, где успешные агропредприятия уже сейчас нуждаются в защите от агрессивных финансовых и строительных структур. На остальной территории Нечерноземья единичные примеры крупнотоварного сельскохозяйственного производства связаны с накопленным в прежние годы производственным потенциалом или локализацией филиалов агрохолдингов. Успешное развитие предприятий и фермерских хозяйств лимитируется социальными факторами при обилии заброшенных земель. Новые виды мелкого предпринимательства более характерны для Поволжья, Урала и Зауралья, чем для депопулировавших староосвоенных мелкоселенных районов Нечерноземья.

В староосвоенных регионах Нечерноземья распределение землеемких отраслей хозяйства все больше приобретает подобие линейно-узловых структур, поскольку успешные предприятия концентрируются недалеко от городов и транспортных магистралей. Оставшееся за пределами этих структур население, потеряв наиболее активную свою часть в результате долговременных миграций в города, в современных условиях бюджетного перераспределения доходов не имеет никаких стимулов экономического развития, что способствует еще большей его маргинализации и усилению отъезда молодежи, что отталкивает инвестиции. А ведь слабоосвоенная внешняя периферия страны и депопулировавшая внутренняя периферия нечерноземных регионов занимают более 80% территории России [Нефедова 2008].

На локальном уровне в пригородах важны проблемы оптимизации землепользования в условиях острой конкуренции за землю. В депрессивных районах Нечерноземья выжившие, хотя и преимущественно убыточные, средние и малые предприятия нуждаются в дотационной поддержке даже не как крупнотоварные производители, а как сырьевые базы небольших пищевых заводов в малых городах, сохраняющие минимальный уровень использования территории вокруг деревень, и как социальные институты для сохранения местных сообществ. Важной задачей становится не столько восстановление советского землеемкого наследства, сколько поддержка ростков постиндустриального развития, включая волны дачного освоения [Нефедова 2011], которое сберегает деревни и способствует появлению услуг, задерживающих местное население. А главным институциональным вызовом остается стимулирование возвращения отходников в деревню. Главное для таких районов – это комплексное, а не только лесопромышленное и сельскохозяйственное, развитие и сохранение имеющейся социальной инфраструктуры там, где проживает население.

Литература

- Аграрная реформа в России: Концепции, опыт, перспективы (2000). М.: Научные труды Всероссийского института аграрных проблем и информатики. Вып. 4.
- Александров Ю.Г. (1993) Будущее колхозно-совхозного строя в России // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука.
- Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. (2003) Перспективы развития России: роль демографического фактора. М.: Институт экономики переходного периода.
- Всероссийская перепись населения 2010 года (2011). Предварительные итоги. М.: ФСГС.
- Геттнер А. (1909) Европейская Россия. (Антропогеографический этюд). М.: Издательство журнала «Землеведение».
- Гордеев А.В., Клеценко А.Д., Черняков Б.А., Сиротенко О.Д. (2006) Биоклиматический потенциал России: теория и практика. М.: Товарищество научных изданий КМК.

- Демографический ежегодник (1995). М.: Госкомстат России, ФСГС РФ.
- Демографический ежегодник (2001). М.: Госкомстат России, ФСГС РФ.
- Демографический ежегодник (2010). М.: Госкомстат России, ФСГС РФ.
- Зинченко А.П.* (2002) Сельскохозяйственные предприятия: Экономико-статистический анализ. М.: Финансы и статистика.
- Иоффе Г.В.* (1990) Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г., Рунова Т.Г.* (1988) Интенсификация сельского хозяйства на европейской территории СССР // Известия АН СССР. Серия «География». № 5.
- Калугина З.И.* (2001) Парадоксы Аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
- Качаровский К.Р.* (1906) Русская община. М.: Типо-литография Русского товарищества.
- Ключевский В.О.* (1993) Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 1. М.: Мысль.
- Костаков В.Г.* (1983) Трудовые ресурсы села // Знание – сила. № 2.
- Кузьминов И.Ф.* (2012) Географические последствия постсоветской трансформации лесопромышленного комплекса России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН.
- Кузьминов И.Ф., Нефедова Т.Г.* (2012) Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов обществоведов (АРГО). № 1.
- Левада Ю.А.* (2000) От мнений к пониманию. М.: ВЦИОМ; Московская школа политических исследований.
- Мартон Э.* (1938) Центральная Европа.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* (2008) Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф.
- Менделеев Д.И.* (1907) К познанию России. СПб.: Изд. А.С. Суворина.
- Милов Л.В.* (1998) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Народное хозяйство СССР в 1965 г. (1996). М.: ЦСУ СССР.
- Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. (1971). М.: Госкомстат РСФСР.
- Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник (1991). М.: Госкомстат РСФСР.
- Наумов А.С.* (2011) Модели развития сельского хозяйства: сценарии для Европы и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономия». № 5.
- Нефедова Т.Г.* (2003) Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т.Г.* (2008) Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. № 5.
- Нефедова Т.Г.* (2009) Природные условия сельскохозяйственной деятельности // Атлас социально-экономического развития России. М.: ПКО «Картография».
- Нефедова Т.Г.* (2011) Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15.
- Нефедова Т.Г.* (1) (2012) Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН. Серия «География». № 3.
- Нефедова Т.Г.* (2) (2012) Две жизни современной Нечерноземной глубинки // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. М.: Сообщество профессиональных социологов.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.* (2006) Неизвестное сельское хозяйство России». М.: Новое издательство.

- Никулин А.М.* (2005) Новейшая гигантомания // Политический журнал. № 12.
- Паршев А.П.* (2001) Почему Россия не Америка. М.: Форум.
- Пацюрковский А.А.* (2010) Сельско-городская Россия. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.
- Предположительная численность населения РФ до 2030 г. (2010). М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Природно-сельскохозяйственное районирование 1975. Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Научные труды ВАСХНИЛ. М.: Колос.
- Природно-сельскохозяйственное районирование 1983. Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР. Под ред. А.Н. Каштанова. М.: Колос.
- Регионы России (1998). Федеральная служба государственной статистики.
- Регионы России (2000). Федеральная служба государственной статистики.
- Регионы России (2007). Федеральная служба государственной статистики.
- Регионы России (2010). Федеральная служба государственной статистики.
- Регионы России (2011). Федеральная служба государственной статистики.
- Родман Б.Б.* (1997) Роль некоторых природных условий в формировании особенностей России // Куда идет Россия: Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук, Интерцентр.
- Россия и страны мира (2010) Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Рубанов И.* (2008) Системная ошибка на сто миллионов // Эксперт. № 22.
- Рыбников А.А.* (1928) Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.: Новая деревня.
- Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник (1988). М.: Госкомстат СССР.
- Сельское хозяйство в России (1998). М.: Госкомстат России.
- Сельское хозяйство в России (2002). М.: Госкомстат России.
- Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Статистический сборник (2011). М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П.* (1892) Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия ИРГО. Т. 28.
- Серова Е.В.* (1999) Аграрная экономика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, Проект Tacis.
- Серова Е.В., Шик О.В.* (2007) Мировая аграрная политика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Социально-экономическое положение России 2010 (2011). М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Социально-экономическое положение России 2011 (2012). М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Трейвиш А.И.* (1999) Экономические волны и лаги в исторической географии Восточной Европы // Вестник исторической географии. № 1.
- Уровень безработицы (2011). М.: Госкомстат // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm
- Чаянов А.В.* (1989) Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Чаянов А.В.* (1991) Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.
- Челинцев А.Н.* (1929) Сельскохозяйственные районы РСФСР // Экономическая география. Т. 2: СССР. Под ред. Н.Н. Баранского. М.: Издательство Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова.
- Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 (2010). М.: Федеральная служба государственной статистики РФ.
- Hill F., Gaddy C.* (2003) The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Gold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.